
«...по словечку в течение двадцати лет»

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Чтобы прийти к этому гениальному в своей краткости определению кричащих противоречий дореволюционной крестьянской Руси, Некрасову понадобились многие годы пристального изучения жизни русской деревни, наблюдений и размышлений о прошлом, настоящем и будущем Родины. Художественным итогом этих многолетних идейно-творческих исканий поэта явилась эпопея «Кому на Руси...», в которую Некрасов, по его собственным словам, хотел вложить «весь опыт, данный... изучением народа, все сведения о нем, накопленные... по словечку в течение двадцати лет».¹

В течение многих лет в творческом сознании поэта формировались, зрели образы, сюжетные ситуации, отдельные мотивы будущей эпопеи. В течение многих лет откristаллизовывались особенности того «некрасовского» стиля, который предельно ярко проявил себя в «Кому на Руси...». В течение всей предшествующей поэтической деятельности Некрасова складывался тот взгляд на народ, крестьянскую Русь, те принципы художественного изображения крестьянства, которые легли в основу его народной эпопеи.

Поэтическое становление Некрасова совпало по времени с периодом формирования в России молодой реалистической школы, возглавляемой Белинским, которая за стремление изображать действительность («натуру») такой, какая она есть, получила название «натуральной».

¹ Успенский Г. Кому на Руси жить хорошо. Письмо в редакцию // Пчела. 1878. № 2.

Убежденный сторонник реализма в искусстве, Белинский боролся за то, чтобы литература обратилась к насущным проблемам русской жизни, «живым, современным, национальным» вопросам ее. Основным, наиболее жгучим вопросом общественной жизни России середины прошлого века был крестьянский вопрос, вопрос о крепостном праве. И Белинский придавал большое значение изображению в литературе жизни крестьянства, «мужика». «Природа вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик не человек?» — спрашивал критик.² Показать в крепостном мужике ЧЕЛОВЕКА, правдиво раскрыть трагические условия его жизни, будить каждым своим словом ненависть к крепостничеству — вот к чему призывал Белинский писателей 40-х годов.

Среди тех, кого Белинский «гуманно мыслить научил», был и Некрасов. Теперь иным светом озарились впечатления детства, зорче стал взгляд поэта, и отныне (после 1845 года), посещая Грешнево, Ярославщину, он каждый раз совершал большое путешествие в народную жизнь, заглядывал в народные судьбы, изучал народный характер.

Некрасов был не один. Одновременно с его первыми зрелыми стихами о народе появились повести «Деревня» и «Антон-горемыка» Григоровича, «Сорока-воровка» Герцена, первые рассказы «Записок охотника» Тургенева. Но никто из писателей той поры не связал свое творчество с изображением исторических судеб русского крестьянства так прочно, как Н. А. Некрасов. Необычным было и то, что о «мужике» Некрасов заговорил в ярких, взволнованных, полных лиризма и драматичности СТИХАХ, смело перешагнув «заповедную грань непоэтического»,³ стерев в поэзии условное деление на «низкое» и «высокое». Еще тогда, в 40-е годы, он (как позже он сам напишет в стихотворении «Элегия») «лиру посвятил народу своему». В стихотворении 1848 года «Вчерашний день, часу в шестом...» Некрасов назвал свою Музу (символ поэтического вдохновения) сестрой публично истязаемой крестьянки, а перед смертью записал, что Муза чаще всего являлась ему в образе «породистой русской крестьянки, в каком она...

² Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 787.

³ Сакулин П. Н. Некрасов // Некрасов в русской критике. М., 1944. С. 101.

обрисована в поэме „Мороз, Красный нос“.⁴ Так породнилась Муза Некрасова с народом.

Осознание страданий и невыносимо тяжелого положения народа питает поэтическое вдохновение Некрасова. В стихотворениях 40-х годов — «В дороге», «Огородник», «Тройка» он сумел подойти к изображению крестьянства именно с тех гуманных позиций, которых требовал от писателей Белинский. В каждом из этих стихотворений поэт, глубоко и проникновенно раскрывая жизненные драмы своих героев, выступает с активным утверждением их человеческих чувств и прав.

С болью наблюдает поэт жизнь «подавленных и трепетных рабов» («Родина») в помещичьих усадьбах. Но в конце 40-х годов, когда участились волнения крепостных крестьян,⁵ Некрасов, чутко реагируя на факты действительности, говорит в своих стихах и о проявлениях народного протеста, который нередко принимает уродливые формы. Так, в стихотворении «Нравственный человек» появляется (за 30 лет до «Кому на Руси...») образ дворового, «самоубийством мстящего / Злодею своему». В иные формы выливается мужицкое озлобление в сатирической поэме «Псовая охота». «Бойкий детина» угрожает помещику «взбутенить» его дубьем (I, 37). В стихотворении «Вино» герой точит «на старосту нож», а с другим обидчиком хочет расправиться, «наточивши широкий топор» (там же, 48—49).

Постепенно в поэтическом сознании Некрасова уже в конце 40-х годов все отчетливей начинает вырисовываться образ Родины с бесправием, забитостью и затаенной ненавистью одних, деспотизмом и наглостью других. Мужик и помещик — вот два полюса русской жизни, взаимосвязь и полярность которых ощущает Некрасов уже в эти годы. Весь дальнейший творческий путь великого поэта есть путь углубленного изучения, художественного постижения сложной и противоречивой сущности этой Родины.

В годы «мрачного семилетия», в связи с невыносимыми цензурными репрессиями, остро социальная крестьянская тема на несколько лет исчезает из лирики Некрасова, но не

⁴ Лит. наследство. М., 1946. Т. 49-50. С. 641.

⁵ «Примеры неповиновения крестьян их владельцам значительно увеличались против прежних лет», — говорилось в отчете III отделения за 1848 год. (История СССР / Под ред. проф. М. В. Нечкиной. М., 1949. Т. 2. С. 317.)

исчезает интерес поэта к судьбам народным. «Теперь, более чем когда-либо, мы должны... вглядываться в народную физиономию, изучать ее особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего несомненно великого исторического предназначения», — читаем мы в запрещенном цензурой объявлении об издании «Современника» на 1849 год. И редактор журнала не только призывал, но и сам пытливо «вглядывался в народную физиономию». Много интересных наблюдений и размышлений о народе находим мы в его романе 1849 года «Три страны света» и повести 1853 года «Тонкий человек». «Я много люблю русского крестьянина, потому что его знаю, — пишет Некрасов в романе „Три страны света“, вкладывая свои мысли в дневниковые записи героя романа — капитана Каютина. — ...Ни в ком, кроме русского крестьянина, не встречал я такой удали и находчивости, такой отважности при совершенном отсутствии хвастовства». Но не всегда эти положительные качества лежат на поверхности и видны каждому. Каютина (и Некрасову) они стали ясны только тогда, когда он «познакомился и породнился» «с русским крестьянином», и не «готовые истины», а наблюдения легли в основу его заключений. Имея дело с мужиком, говорит Каютин—Некрасов, нельзя судить о нем «по внешности факта». Проникнуть же в сущность его «подноготной» нелегко. «Труден доступ к его сердцу. Он суров, неразговорчив, неохотно обнаруживает свое чувство, глубоко запрятывает в душу тяжелую кручину... Кто, побродив по базару в праздничный день, увидев две-три деревенские сходки, поговорив, хоть за чаркой, с несколькими мужиками, думает знать всю их подноготную... Жалок такой наблюдатель! Нет, сердце его открывается не всякому и не вдруг. Вот уж, кажется, ты довольно сблизился с ним: он волен с тобой в обращении и за словом в карман не ходит; ты думаешь, говорит он тебе всю подноготную... Погоди, она у самого у него неясна, а ты не настолько расположил его к себе и расшевелил, чтобы она у него выяснилась, облеклась в слово... Ты скоро сам убедишься, что не поймал еще истины, когда заметишь, что через день он уже говорит не то, с полным равнодушием, которое так часто тебя обманывало, приводя к ложным и неотрадным выводам!» (VII, 738. Разрядка моя. — Т. Б.) — неверию в силы народа.

Некрасов призывает, не смущаясь противоречием между скрытой силой народного характера и обманчивым смирени-

ем, беспечностью, апатичностью, которые составляют лишь внешнюю его оболочку, — изучать народ; несмотря на трудный доступ — проникать в сердце русского крестьянина. Мало того, поскольку в сущности своих чаяний и стремлений мужик сам еще плохо разбирается, желания, порывы его подчас смутны и не могут быть «облечены в слово», нужно «расшевелить» крестьянина, будить его сознание, помочь ему осмыслить его интересы.

Материал романа дает основание говорить о том, что историческое развитие России Некрасов ставит в прямую зависимость от потенциальной энергии народа, что в 1849 году поэт уже в значительной степени сформулировал «тот взгляд на народ, который лег в основу последующих поэтических произведений Некрасова»,⁶ в том числе «Кому на Руси...».

Начиная с 1853 года, Некрасов почти каждое лето (не считая периода тяжелой болезни и лечения за границей в 1856 году) проводит в ярославско-костромских местах. Эти летние месяцы с охотой, непосредственными наблюдениями над бытом деревни и долгими задушевными беседами с мужиками давали Некрасову обширные и истинные сведения о народной среде. В деревне он был свой человек:

Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель...

(«Деревенские новости», II, 98)

Приехавшему поэту его «други-приятели» спешили рассказать все свои деревенские новости. Современники свидетельствуют, что только в деревне, в общении с простым народом Николай Алексеевич Некрасов становился самим собой, замкнутость и обычную угрюмость сменяли общительность, душевность, простота. Не удивительно, что товарищи поэта по охоте не только стремились припасти для гостя хорошее «дупелиное местечко», но и беседовали «по душам», не боясь открыть всю свою «подноготную». По словам сестры поэта, Анны Алексеевны Буткевич, Некрасов «редко не привозил из своей охотничьей поездки какой-нибудь истории», вскоре превращавшейся в сюжет стихотворения или поэмы.

С 1853 года крестьянская тема вновь появляется и вскоре становится основной и ведущей в поэзии Некрасова. Это яви-

⁶ *Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 149.*

лось не только следствием более тесного сближения поэта с народной средой, но и отражением определенной закономерности общественной жизни. Начиная с середины 50-х годов (смерть Николая I, крымская катастрофа, вскрывшая гнилость крепостничества, рост крестьянских волнений, подготовка реформы) резко усиливается интерес передовой общественности к крестьянскому вопросу, и литература активно включается в общероссийский разговор о русском мужике.

В 1856 году вышел сборник стихотворений Некрасова. В первый его раздел автор включил стихотворения «В дороге», «Влас», «В деревне», «Огородник», «Извозчик», «Так, служба», «На улице», «Вино», «Тройка», «Забытая деревня», «Школьник». Взятые в сумме, они представляют собой «не-что вроде лиро-эпической поэмы о народе»,⁷ являются как бы поэтическим размышлением Некрасова о народной жизни и народном характере, о сложном переплетении в них самых противоречивых начал. Это размышление продолжалось и в последующие годы... Каким же предстает русское крестьянство, народ в лирике Некрасова конца 50—начала 60-х годов?

В стихотворениях этих лет еще ярче становится пафос гуманности, еще проникновеннее и психологически убедительнее раскрывает Некрасов духовный мир и неизбывные страдания своих героев, будь то старуха, потерявшая кормильца-сына («В деревне», «Орина, мать солдатская»), мужики, робко стоящие у «парадного подъезда», или строители железной дороги, надрывающиеся «под зноем, под холодом». Но теперь пристальное внимание автора к духовному миру героев сочетается с повышенным интересом к условиям их жизни — нищете, безземелью, каторжному труду «сеятеля и хранителя» русской земли, и, главное, к сущности народного характера, к основам народного миросозерцания.

Новым и очень значительным в лирике Некрасова этих лет является стремление поэта, даже тогда, когда он идет от конкретных фактов («Орина, мать солдатская», «Размышления у парадного подъезда»), к созданию образов широчайшего художественного обобщения, образов-символов. Без этого умения поэта возводить бытовой факт до уровня социально-философского символа невозможен был бы в дальнейшем замысел «Кому на Руси...».

⁷ Там же. С. 241.

В лирике Некрасова этих лет рядом с чувством жгучей боли за народ живет чувство гнева и ненависти, гнева против «владельца роскошных палат», против всех виновников народного горя и нищеты. Все чаще в его творчестве появляются произведения, построенные на принципе социального контраста, резкого противопоставления народу его врагов («Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога»). При этом «краски становятся резче, а иногда по картине пробегают зловещие блики». А если еще мужик «затянет вдруг свою песню, где все тоска и слезы», — «праздник жизни испорчен окончательно».⁸ Именно этот композиционный принцип ляжет в основу будущей эпопеи.

Некрасов был сторонником активного, действенного искусства. Он считал, что одного сострадания народу недостаточно («Что и жалеть, / Коли нечем помочь?» — «В деревне», I, 88). Поэт с помощью слова должен будить народное самосознание, помогать народу прозреть, найти пути выхода...

«Вот приедет барин — барин нас рассудит», — на все лады повторяют крестьяне «забытой деревни», какой была вся бескрайняя крепостная Русь. И поэт стремится рассеять в народе иллюзорные надежды на доброго барина («Забытая деревня»), убедить, что ни наивная доверчивость, ни вековое терпение («На Волге») не спасут. Веками слагавшейся покорности, «холопскому терпению» он противопоставляет во имя Родины, во имя Братства, Равенства и Свободы людей «необузданную, дикую / К угнетателям вражду» и мечтает о времени, когда грянет над ними «божья гроза» («Песня Еремушке»).

Но грянет ли? Способен ли на это народ? Некрасов мечтал о народном пробуждении («О Русь, когда ж проснешься ты?», II, 32), но настойчиво стремился найти основания этой мечте в самой реальной действительности. Для него дилемма ясна: или народное пробуждение («Ты проснешься ль, исполненный сил?»), или гибель («духовно навеки почил»). Поставленный в концовке «Размышлений у парадного подъезда» вопрос мучил поэта, а жизнь давала самые разноречивые «показания».

У Некрасова не возникает сомнений в добрых душевных качествах «мужика» («Зеленый шум», «Похороны»), в талантливости русского народа («Школьник»). Но есть ли в нем сила и решимость отстоять свои права? Как будто бы — да.

⁸ Взятые в кавычки — Сакулин П. Н. Некрасов. С. 98—99.

Предреформенные годы дают значительный рост крестьянских восстаний (474 с 1855 года по 1860-й), во время которых крепостные не останавливались перед расправой с ненавистным помещиком. Об одном из таких случаев с удовлетворением рассказал Некрасов («Отрывки из путевых записок графа Гаранского»). Но рядом поэт видел и иное: патриархальную наивность («Забытая деревня»), бессильный стон («На Волге»), нестойкость в борьбе («Бунт»).

И все-таки с каждым годом Некрасов все тверже верит в великие возможности русского народа. Этому много способствовали события Крымской войны, оборона Севастополя, когда «народ-герой» «в борьбе суровой» «не шатнулся до конца» (поэма «Тишина»). В наступившей после грохота войны ТИШИНЕ поэт ощущает происходящие в стране глубинные внутренние процессы: народ ЗАДУМАЛСЯ над вопросом своей судьбы, готовится к борьбе за правду:

...Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она («Тишина», II, 45).

Конец 50—начало 60-х годов — время переломное, время больших сдвигов в общественно-политической и духовной жизни России. Страна вступила во второй, революционно-демократический период развития освободительного движения, время, когда по всей Руси то там, то здесь полыхали крестьянские восстания. На эти-то все возроставшие революционные настроения крестьянства и возлагали свои надежды революционеры-демократы во главе с Н. Г. Чернышевским.

Большую роль в общественной борьбе они отводили литературе. Чернышевский и Добролюбов страстно ратовали за создание литературы истинно народной, отражающей жизнь многомиллионных трудовых масс и сознательно стоящей на защите их интересов. Добролюбов призывал писателей «обратиться к свежим, здоровым росткам народной жизни, помочь их успешному росту и цвету, предохранить от порчи их прекрасные и обильные плоды», прислушаться к «говору народной жизни».⁹

⁹ Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1934—1941. Т. 2. С. 309.

«Прислушаться к говору народной жизни»... Это было требование самой действительности, современности, которому не могла не следовать литература. Но с каких позиций рисовать эту жизнь, что подчеркнуть, в каком свете представить народные типы и характеры, как осветить проблему судеб народных? Революционно-демократическая критика уделяет большое внимание принципам изображения народной жизни и народного характера в литературе. С особенной четкостью они сформулированы в статьях «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) и «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) Добролюбова и «Не начало ли перемены?» (1861) Чернышевского.

С точки зрения вождей революционной демократии, тот гуманно-сострадательный подход к изображению народа, который был характерен для передовой литературы 40-х годов, уже не соответствует задачам времени. Народ просыпается; у него есть силы для своего освобождения, нужно только помочь ему увидеть и отместить все, что мешает ему в этом. Поэтому не сострадать, не скрывать из соображений гуманности темные стороны народной жизни должен писатель, а писать о народе правду без всяких прикрас, вскрывать «дурное в его привычках», «недостатки его характера», уметь исторически, уродливыми условиями общественной жизни (века крепостного права) их объяснить, но осудить в настоящем как препятствие на пути самоосвобождения, а главное — «вникать в обстоятельства, от которых происходит его (народа. — Т. Б.) беда».¹⁰ Критическое отношение к теневым сторонам народной жизни должно, однако, сочетаться с раскрытием неисчерпаемых сил и больших революционных возможностей крестьянства, показом того, что «народ не замер, не опустился, источник жизни не иссяк в нем»,¹¹ что гражданственность и революционность являются ведущими чертами русского народного характера. Чернышевский советует писателям избегать «гуртового» изображения народа как единообразной безликой массы, помнить, что наряду со средней пассивной массой есть в народе и «недюжинные натуры», те, кому принадлежит «инициатива народной деятельности».

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939—1953. Т. 7. С. 856—859.

¹¹ Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья. С. 306.

Все эти требования к литературе, продиктованные самой жизнью и сформулированные в статьях Чернышевского и Добролюбова, определили направленность творчества демократов-шестидесятников. Особенно ярким примером художественного осмысления и воплощения общественно-исторических процессов в русской действительности 60—70-х годов и задач, этим временем поставленных, явилась поэма Некрасова «Кому на Руси...».

К жанру поэмы, не новому в русской литературе, Некрасов обратился в середине 50-х годов. Но традиционный жанр под пером поэта-новатора трансформируется, начинает жить новой жизнью. Этой печатью новаторства особенно отмечены его так называемые народные поэмы — «Коробейники», «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси...».

К началу 60-х годов у Некрасова, проводившего каждое лето в родных ярославских (а также костромских) местах, накопилось такое количество наблюдений, сведений, знаний о народной жизни, что возникла потребность их обобщить, художественно синтезировать. Но дело не только в этом. По мере укрепления демократических убеждений и расширения жизненно-художественного опыта Некрасов все более проникается сознанием значительности роли народа в судьбах родины. Крестьянин, этот «сеятель и хранитель» русской земли, велик для Некрасова своим трудовым подвигом, велик как единственный носитель животворных начал,двигающих жизнь вперед. Он — истинный герой истории, и потому все, с ним связанное, обретает характер значительности.

В то же время поэт глубоко лично, сердцем своим воспринимает горе и боль, гнев и печаль народную, все более проявляет способность смотреть на мир глазами трудового народа, быть выразителем его «чаяний и ожиданий». В результате происходит изменение эстетических норм и представлений поэта. В основе новой, демократической эстетики лежит убеждение, что источник всего прекрасного в жизни человека — труд, а потому сфера народной жизни воспринимается как сфера эстетически значимого.

Своеобразным подступом к эпическому решению народной темы можно считать небольшую лирическую поэму «Тишина» (1857), первую из поэм Некрасова, героем которой явля-

ется народ. Основу повествования в ней составляют чувства и раздумья автора по возвращении на родину, только что пережившую героические и трагические события севастопольской обороны. Поэт охватывает чувство слиянности с родной природой, а размышления о народе освежающе действуют на его душу.

Сущность и внутренние возможности нации ярче всего проявляются в минуты тяжелых испытаний. Таким испытанием была, с точки зрения поэта, Крымская война, в которой именно народная Русь показала великое мужество, выносливость и стойкость. «Поэт уловил в „Тихине“ историческую силу народа, которая, возрождаясь в минуты общенациональной опасности, способна сплотить его в историческое единство».¹² Название поэмы говорит не только об отгремевших боях, но и о внутренней сосредоточенности народной Руси («думу думает она»), возможно предвещавшей великие события будущего.

«Тихина» — первая попытка Некрасова поставить в центр поэмы собирательный образ народа, но раскрыт этот образ скорее лирически, в нем нет отчетливо нарисованных народных типов и лиц, перед нами безымянная народная масса, «сыновья Руси». В центре будущей эпопеи тоже будет стоять коллективный образ народа, но поэт найдет совсем иные принципы и приемы его создания.

Поэму «Тихина» можно считать подступом к «крестьянским» поэмам Некрасова и потому, что именно здесь поэт не только обретает способность сопереживания, что было и раньше, но растворяется в народной стихии, приобщается к народному мироощущению.

Осмысление народной темы как глубоко лирической и в то же время общественно-значительной и создает психологическую возможность перехода к созданию поэм, лиро-эпических полотен, где центральным действующим лицом и героем является «мужик», русский крестьянин, взятый во всей истинности его социально-бытового и психологического облика.

«Народные поэмы» Некрасова — совершенно новый для русской литературы тип поэмы, где поэт-демократ, совершая свое поэтическое «хождение в народ», еще более смело, чем в лирике, «перешагнул заповедную грань непоэтического».

¹² Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х годов. Ярославль, 1971. С. 131.

Пусть мужик сделался в литературе 60-х годов героем дня и о нем говорили в многочисленных очерках и рассказах, но нужно было обладать дерзостью гения, чтобы решиться сделать этого мужика героем ПОЭМЫ, с ее давней романтической традицией, с ее сопротивляемостью обыденно-бытовому материалу.

«Коробейники» (1861) — первая так называемая народная поэма Некрасова. Посвящением этой поэмы [«Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)»] Некрасов отдавал свою поэзию на суд крестьянству, эстетический приговор которого признавал непререкаемым:

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу (II, 123).

Жизнь современной деревни предстает в поэме во всей ее обыденности и повседневности, с темнотой, бесправием и нищетой. Герои — крестьяне, занятые отхожим промыслом, коробейники, «лыком шитые купцы» — лишены какого бы то ни было героического ореола и не совершают никаких подвигов: они идут из села в село, балагурят, ведут между собой беседы, торгуются, продавая свой товар. Но обыкновенность образов и незамысловатость сюжета служат постепенному обнаружению скрытого драматизма этой повседневности, ее трагической сущности: «холода и голода» в жизни русской деревни («Песня убогого странника»). Начав поэму в мажорных тонах, пересыпав ее народными шутками и остротами, автор постепенно поднимается до высокого лирического и гражданского пафоса и заканчивает повествование трагическим аккордом: с «холода и голода» позарился нищий лесник на мощну коробейников, да и уложил их выстрелом наповал.

Жизнь современной деревни дана в поэме в значительной степени через восприятие ее коробейниками. Через их беседы и суждения Некрасов показывает пробуждение народного сознания. Ведь это они, коробейники, говорят о горе, причиненном войной («царь дурит — народу горюшко»), они беспощадны в неприязни к кабатчику и кулаку, они подмечают факт оскудения дворянских усадеб... С другой стороны, автор стремится будить это сознание, привлекая внимание народно-

го читателя¹³ к наиболее острым социальным вопросам, говоря «трезвую правду» и об убогости народной жизни, и о врагах народных.

Задумав поэму «Коробейники» как панораму жизни современной деревни, Некрасов нашел для своего замысла очень емкую и свободную композиционную форму: прием путешествия героев открывал для автора необозримые возможности в художественном воссоздании все новых и новых картин жизни «Руси крещеной». К этому композиционному приему ПУТЕШЕСТВИЯ ГЕРОЕВ Некрасов вновь обратится через несколько лет, начиная свою работу над созданием эпопеи народной жизни.

Композиционная форма (герои все время в движении, одни впечатления сменяются другими) обусловила и основные приемы художественного письма: мимолетная бытовая зарисовка, лаконичный диалог, походя брошенная меткая реплика, вставной психологический эпизод, массовая сценка. Этот прием экономного красочного мазка, ставший стилевой основой поэмы «Коробейники», найдет широкое развитие в поэме «Кому на Руси...».

Через два года, при работе над поэмой «Мороз, Красный нос» (1863), поэт поставит перед собой другую задачу — задачу углубленного постижения русского народного характера, художественного проникновения в самые сокровенные движения души, идеалы, чувства и представления своих народных героев.

Поэма «Мороз, Красный нос» писалась, когда на спаде революционной волны запахло в стране реакцией, когда в рядах демократической интеллигенции в значительной мере пошатнулась вера в революционные возможности народа. Поэмой «Мороз...» Некрасов заявлял, что вопрос о народе и его судьбах остается центральным вопросом русской жизни. Обращаясь к демократической интеллигенции, он стремился укрепить ее веру в народные силы, ибо вся поэма «Мороз...», полная проникновенного лиризма, звучала как вдохновенный гимн неисчерпаемой силе и великой нравственной красоте русского крестьянства.

В новой «крестьянской» поэме автор не стремится к развороту вширь. Два дня и две смерти в одной крестьянской се-

¹³ «Коробейники» в виде «красных книжек» ценой по 3 коп. распространялись офенями по деревням.

мье. Сужено поле наблюдения, в сфере внимания автора лишь два наиболее полно (Дарья, Прокл) и несколько бегло очерченных персонажей, но «никогда еще в своем стремлении проникнуть в самые глубины народного духа, народной психологии Некрасов не достигал таких успехов».¹⁴ Драматический сюжет (смерть и похороны Прокла, гибель Дарьи) способствует раскрытию внутреннего мира героини: «в годину горя люди больше думают, острее чувствуют, живут более интенсивной духовной жизнью».¹⁵

На первый взгляд «Мороз...» кажется произведением более традиционным, чем «Коробейники»: анализ душевных переживаний, эмоций героя и лирические раздумья автора издавна составляли основу жанра поэмы. Но это только видимость. Новаторский смысл поэмы и смелость автора ее в том, что героиня поэмы — деревенская баба, и те проникновенно-лирические интонации, те приемы глубокого и тонкого психологического анализа, которые применялись к героям прежнего типа, «тонким» людям дворянской среды, зазвучали небывало свежо, будучи использованы при изображении жизни неграмотной русской крестьянки.

Как и в «Коробейниках», поэт не страшится говорить о самом будничном, обычном, рисовать картины убогого деревенского быта (в избе, как водится, — «теленек в подклети», и на ужин, как водится, — «капуста, да с хлебушком квас») и беспросветной темноты (лечение Прокла) русской деревни во всей их истинности и суровой, «трезвой», как говорил Чернышевский, правде. Через эти картины и обнажается постепенно глубокий трагизм «хода народной жизни». Не скрывает поэт и того трагического обстоятельства, что века рабства и нищеты наложили свою печать на народный характер. Под воздействием «грозной доли» «тип измельчал / Красивой и мощной славянки», массовым стал тип женщины, очерченный словами:

Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома! (II, 168)

Но пафос поэмы состоит в другом. Все внимание автора сосредоточено на более редко встречающемся, но вопреки всему сохранившемся типе «величавой славянки». Он есть, его

¹⁴ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1952. Т. 3. С. 325.

¹⁵ *Гин М.* О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966. С. 55.

«возможно и нынче сыскать», в нем сосредоточены лучшие черты народного характера, он — самое весомое доказательство, что «народ не замер, не опустился, источник жизни не иссяк в нем» (Добролюбов). К этому народному типу относятся и Дарья с Проклом, и родители Прокла, и, вероятно, Гришуха с Машей-резвухой. Каждый из этих образов (и особенно Дарья) овеян поэтическим ореолом. И это не стремление к идеализации, а результат определенного, нового для литературы той поры эстетического видения мира. Все есть: убогая избенка, худые лапти, теленок в подклети, непосильный труд, а за него — «капуста, да с хлебушком квас», но «грязь обстановки убогой» к героям поэмы «словно не липнет», может быть, потому, что это, употребляя термины Чернышевского, здоровая, реальная грязь, основным элементом которой является труд.

С большим лирическим волнением говоря о красоте героини — русской крестьянки Дарья и о благородстве ее внутреннего облика, автор дает понять, что они суть следствие самого высокого: красоты человеческого труда, который составляет содержание и основу народной жизни и делает человека труда носителем высших нравственных норм и ценностей. Для Некрасова в 60-е годы проблема труда, его роли в человеческом обществе приобретает все большее и большее значение. Вывод, что именно народ является создателем всех материальных и культурных ценностей, уже предчувствуется в поэме. Не случайно, что вслед за ней будут написаны «Железная дорога» и «Кому на Руси...».

Но не вступает ли высокая поэтизация народной жизни в поэме «Мороз...» в противоречие с требованием ее реалистического изображения? О социальных условиях, крестьянском быте, убогом и темном, поэт говорит, не смягчая красок, «резвую правду». А о Дарье, Прокле? Тоже правду. Образы глубоко реалистичны, тысячей нитей связаны со средой и объяснены ею, нет оснований не верить поэту, что людей подобного типа в народе «можно и нынче сыскать». Но вся ли это правда о русском крестьянстве как таковом? Предстал ли оно во всей многосложности и противоречивости своего социально-бытового и психологического облика? Предстал ли не только в труде, но и в борьбе?

Некрасов с горячей любовью и большой правдивостью нарисовал один из наиболее положительных, отрадных типов народного характера, раскрыл наиболее поэтические стороны

народной души. Но часть не равна целому. Вполне понятно, что поэма с семейно-бытовым сюжетом не могла вместить всего разнообразия народных типов, раскрыть все грани народного характера. Автор и не стремился к этому, перед ним стояла другая задача, блистательно решенная... Но именно в эти годы, годы работы над поэмой «Мороз...», Некрасов вынашивал замысел грандиозного художественного полотна, ЭПОПЕИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ, произведения, в котором хотел сказать о народе все, что знал и понял, в которое мог бы вложить все сведения о народе, собранные по словечку в течение двадцати лет. Это произведение он назовет «Кому на Руси...».